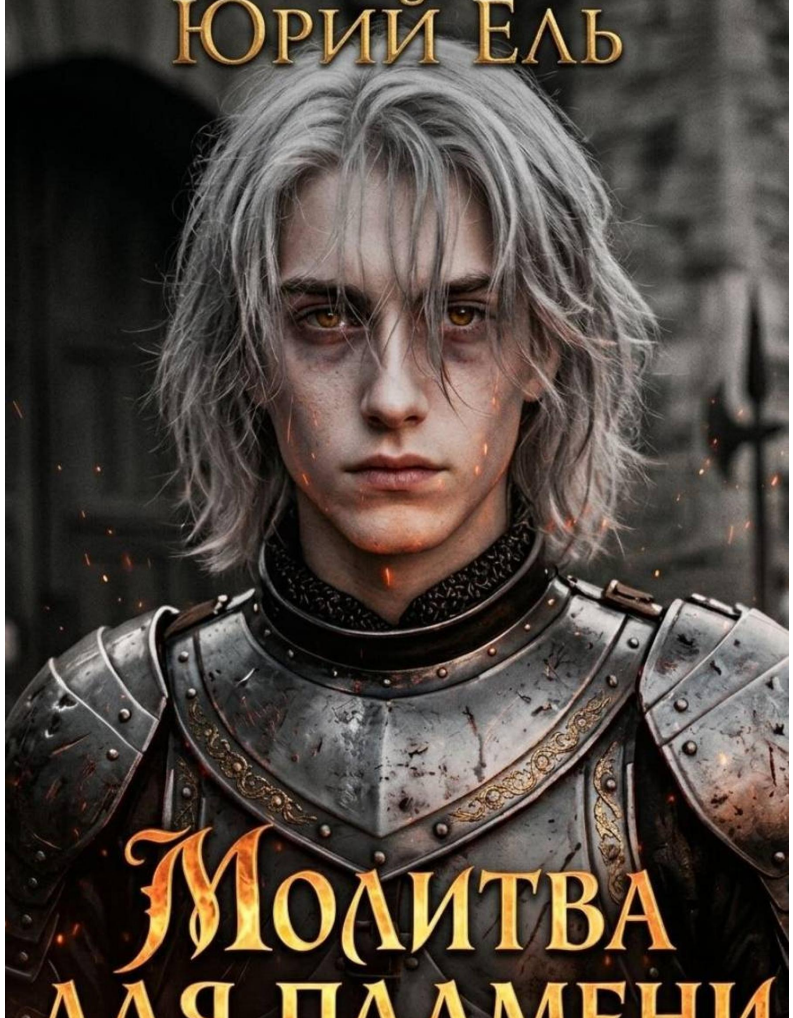

ЮРИЙ ЕЛЬ

МОЛИТВА
ДЛЯ ПЛАМЕНИ

Юрий Ель

Молитва для пламени

<https://litres.ru/74079526>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анри Эйтэль - паладин. Рождён он был лишь для того, чтобы лишиться имени, лица, а потом и жизни. С малых лет твердил ему король о жертве, о том, как в будущем отдаст он жизнь во имя высшей цели. И Анри был готов! А потом передумал, повстречав на пути своём фею и мертвеца...

Содержание

Глава 1. На один из десяти.	4
Глава 2. Церемония.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юрий Ель

Молитва для пламени

Глава 1. На один из десяти.

Поленья в камине тихо и смиренно потрескивали. Анри оценил бы этот звук на целых десять из десяти — он всегда его любил, хотя к пламени и относился неоднозначно. Не понимал, что чувствовал, глядя на то, как огонь — столь опасное и прожорливое явление — уничтожало дерево одним прикосновением. Тепло? Да. Светло? Несомненно. И тем не менее откуда-то из недр души, из самых дальних её уголков, неизменно просачивалось отвращение.

Немудрено, ведь когда-то огонь едва не погубил целый мир. Человечеству удалось выстоять чудом. В те далёкие времена надвигался конец всего. Страшные пожары, явившиеся будто бы по злой воле разгневанных богов, поглощали леса, а потом добрались до городов и деревень. И потушить их не удавалось долгие годы. Последствия оказались страшными. Непоправимыми. И явились тогда из неугасающего пламени кошмарные создания Но Анри не хотел думать о них сейчас. Заботило его другое.

Огонь он не любил не по причине былой трагедии. А потому что ему самому предстояло заживо сгореть рано или

поздно. И, что омерзительно, в огонь он войдёт по собственной воле, из чувства долга. Этот факт Анри Эйтэль оценил бы на один из десяти. Но почему-то понял он это только сейчас, когда уже поздно что-то менять. Да и не ему решать такие вещи. Всё давно придумано и решено за него теми, кто на голову выше, умнее, мудрее и сильнее. Куда с ними тягаться? Пытаться воспротивиться? Это просто смешно!

Что странно, его растили с мыслью о том, что настанет день, и ему придётся умереть. Причём умереть не от старости или болезни в окружении родных и близких, а в одиночестве, отдавшись боли. И даже тела не останется. Некого будет хоронить, чтобы потом навестить могилу. Это печально. Анри, честно говоря, хотел бы взвыть, но постыдился от одной только мысли и не стал. Да, его готовили к этому с самого детства, однако только сегодня осознание сего факта вызвало страх.

Завтра ему исполнится двадцать лет. И вскоре после этого он уйдёт из родного дома и отправится исполнять долг. Только вперёд — к вулкану, к его оголодавшему жерлу. А ещё завтра он перестанет быть Анри Эйтэль. У него заберут фамилию и сотрут из памяти его лицо. Как-то неприятно. Наверное, на семь из десяти.

Поэтому сегодня Анри позволил себе стаканчик-другой самого крепкого пойла, что было здесь, в таверне «Бражники». Он толком и не знал, что пил: может, пиво, а, может, вино. Напитки он не различал, потому что раньше не пробо-

вал ничего из того, что способно разум одурманить и координацию нарушить. Ему нельзя. Отец не разрешал.

На фоне резво бил по струнам гитары Музыкант. Так его и звали, честное слово! А гости таверны в такт ему стучали по столам ладонями. Музыкант пританцовывал, будучи навеселе, но при этом ни разу не сбился, а потом ещё и петь начал.

— А луна красивая, а луна холодная

Путь в ночи мне, страннику, укажет!

А луна манила меня, а луна коварная

Мне, наивному, свой секрет расскажет!

Анри заслушался и не заметил даже, как принялся ритмично притопывать ногой в такт словам известной в здешних кругах песни. В руке он по-прежнему сжимал кружку с напитком и взгляда потерянного от очага не отрывал. Мысли всё ещё были полны тревог, однако в груди благодаря музыке растеклось приятное тепло.

Анри сидел в одиночестве у камина, ни с кем не обмолвившись и словом. И его это вполне устраивало. До этой минуты. Потому он вновь обернулся через плечо и уставился на Музыканта — молодого человека с большими зелёными глазами. Своим мелодичным голосом он будто околдовал гостей таверны. Они смотрели только на него, подпевали, а потом, не в силах больше терпеть, бросались в пляс. Музыкант в свою очередь расхаживал меж столов, бесцеремонно брал чужие кружки и пил из них, но никто, кажется, и не был про-

тив. Настолько очарователен и обаятелен был Музыкант!

— Небеса мне, дураку, будут вслед смеяться:

«Глупый Музыкант! Решил луне отдаться!

Лунам веры нет — они большие лгуны,

Души любят красть, злобные шалуны!»

А мне лунный свет души родной дороже

Я небеса не слушал и разум трезвый — тоже

Я, глупый Музыкант, всё за луной шагал

И сердце ей своё вместе с душой отдал!

Анри быстро понял: это уже ни в какие рамки! Поэтому помимо притопывания начал ещё и тихонько хлопать в ладоши. Уж очень сильно понравилась ему эта песня! И не только ему. Люди в таверне тоже оказались в восторге. Они аплодировали и требовали исполнить что-нибудь ещё. А Музыкант и рад! Дважды просить его не надо. Он окинул взглядом сияющих глаз таверну, словно искал музу или вдохновение, и вдруг остановился на Анри. На лице его раскрасневшемся тут же появилась улыбка. Длинные пальцы принялись перебирать струны в поисках нового мотива, губы беззвучно зашевелились, придумывая интересные строки И Музыкант запел, а у Анри от неловкости отлила кровь от лица.

— Героями рождаются! Я заявляю смело!

Им доблесть спаивают вместо молока,

Им с малых лет куют стальное тело,

Им вторят, что победа очень далека.

Героями рождаются! Я вам не стал бы врать!

Клянусь, они с младенчества другие:

Им с кровью вместе смелость дарит мать,

И чужды им все слабости людские!

Музыкант, пританцовывая, надвигался на Анри, точно неумолимая буря. Анри же в свою очередь вжался в кресло, в котором сидел, и захотел вдруг исчезнуть. Глаза его карие нервно бегали по сторонам, оценивая реакцию окружающих. В центре внимания он не планировал оказываться этим вечером!

Музыкант остановился прямо перед ним и протянул руку, желая, очевидно, вытащить танцевать. Почему бы и нет? Все ведь танцуют! Всем весело. Только вот Анри идею не оценил. Настолько ему стало неловко, что он готов был сгореть заживо прямо сейчас — прыгнув в камин. И, честно, это казалось единственным выходом из сложившейся ситуации. Но не успел он ничего предпринять, как Музыкант схватил его за руку и потащил за собой. Анри нехотя поднялся с кресла и на негнущихся ногах последовал за ним. В толпу людей.

Нет, может, всё-таки умереть? Прямо тут, на месте! Анри, кажется, готовили ко всему на свете, но только не к такому.

— Пляши, паладин! Пока можешь, пляши! — весело наказал Музыкант.

У Анри перехватило дыхание от ужаса. На десять из десяти. Происходящее казалось какой-то дикостью.

Гости «Бражников» той же неловкости явно не испытывали, потому что танцу отдавались охотно, с душой. Женщины звонко хохотали, держась за юбки, а мужчины, их кавалеры — вечные или только на сегодня — в свою очередь хватали их за талии, пьяными губами толкая сладкие речи. Неужели этот Музыкант всё-таки в самом деле околдовал их своими песнями? Анри было и невдомёк, что людям порой просто хочется быть в моменте и наслаждаться реальностью здесь и сейчас. Жизнь ведь так коротка! Мигом пролетит, не заметишь. Потому он взял на себя смелость поинтересоваться у Музыканта:

— Неужто праздник какой-то? Или всегда здесь так громко?

Музыкант, казалось, его не слышал — настолько тот был занят самим собой и своей музыкой: гитару обнимал, прикрыв глаза и улыбаясь. Но он вдруг ответил:

— Праздник, да. Завтра вы, паладин, в путь отправитесь. Со злом бороться. И побеждать!

Назвать танцем то, что исполнял Анри, язык не повернулся бы ни у кого. Он жалко топтался на месте и неуклюже покачивался. Но очень старался! Раз уж вынудили веселиться, придётся выложиться на полную!

— А почему же это праздник? — недоумевал он, хлопая глазами.

— Так ведь вы, уважаемый паладин, Амберфьорд защищать будете. Светлое будущее королевству подарите. Вы — сильнейший, избранный самими небесами воин. Вот и радуются люди, отмечают этот день. Провожают вас в поход.

Анри остановился. Плясать совсем перехотелось, хотя он и был почти на кураже. На целых восемь из десяти ему стало обидно. Как же это так? Разве это правильно?

— А я ведь на смерть иду, — промолвил он тихо. — Люди, получается, моим скорым похоронам радуются?

Музыкант замер. С румяного лица сползла улыбка. Во взгляде отразилось осознание. Он теперь уже серьёзно посмотрел на Анри, прекратив играть на гитаре. Однако люди отсутствия музыки не заметили и, что странно, продолжили плясать.

— Милый паладин, а вам что же боязно? Вам умирать не хочется?

Анри тут же возразил:

— Как мне может быть боязно?! Я страха не знаю!

Он врал? Может быть.

А Музыкант продолжил, сверкнув глазами:

— И к смерти, стало быть, стремитесь?

— Нет! — вырвалось у Анри и он, прикусив язык, тут же солгал вновь: — То есть и смерти я не боюсь! Страхи в сердце рождаются. А меня долг ведёт, не сердце! И это самое главное.

Музыкант пожал плечами:

— Тогда сердце, наверное, вам без надобности.

Анри нахмурился:

— Как это без надоб

Не успел он договорить, как Музыкант вдруг подскочил и вонзил руку в его грудь. Анри не смог даже ахнуть! Вдох застрял в горле. С губ потекла струйка крови. Он хорошо ощутил, как длинные и холодные пальцы Музыканта сжали его трепещущее сердце, а после вырвали из груди. Тело пошатнулось, ноги подкосились. Анри осел, беспомощно хватаясь за Музыканта, а потом и вовсе грохнулся на пол. Он хрипел, не в силах подняться — тупая боль обездвижила.

Теряя сознание, Анри Эйтэль безмолвно шевелил губами и наблюдал за тем, как таверна «Бражники» до неузнаваемости менялась. Погасли огни, стихли в камине поленья, и куда-то подевались все гости. Воцарилась мёртвая тишина. Лежать здесь, на грязном холодном полу в абсолютной темноте Анри не нравилось. Он оценил бы это на один из десяти, да не успел — лишился-таки сознания.

Глава 2. Церемония.

Когда Анри пришёл в себя, первое, о чём он подумал, было — как же теперь смотреть в глаза отцу? Он не простит. Накажет. Он будет разочарован! А мама и вовсе обомлеет от ужаса. Какой позор всё-таки! Как Анри мог так сглупить?! Считай, даром отдал сердце какому-то негодяю. И теперь думай, гадай, как это проклятое сердце вернуть.

А может оно и не надо? Неужели сердце столь обязательный инструмент? Отец говорил, что да. На целых десять из десяти. Он велел беречь все свои органы, но в особенности тот, что кровь гонял по сосудам и бился громко и неистово внутри груди.

И вот Анри, словно пьяный, плёлся домой, в замок. Мрак предрассветных часов играл на руку и прятал знаменитого паладина от глаз случайных прохожих. Он, шатаясь, шагал по переулкам и тихо поскуливал. Не от боли — боль уже ушла. А от стыда. В груди зияла чёрная дыра. Буквально. Из неё всё ещё вытекали струи крови, пачкая одежду и землю под ногами. Анри как мог прикрывал её рукой, но тщетно. И дыра всё равно не затянется, пока сердце на место не вернёшь.

Может, отец не заметит? Если натянуть доспех, то возможно. Анри планировал сделать вид, что ранним утром приступил к тренировкам. В конце концов, никто не знал,

что он улизнул поздним вечером в таверну. Но как быть потом? Сегодня ведь состоится церемония! Там будет полно людей, включая представителей церкви. На церемонию в доспехах явиться нельзя — это недопустимо, это не по правилам. Нужно будет переодеться в специальную нарядную одежду, которую для Анри шили не одну неделю, но тогда эту маленькую неприятность точно заметят абсолютно все

Анри вдруг задумался: интересно, позорился ли кто-нибудь настолько же сильно, как он? Кажется, нет. За всё то время, что стоит Амберфьорд, подобного ни с кем не случилось. С другой стороны, хоть в чём-то Анри отличился.

Он неопределённо пожал плечами собственным мыслям и глупо улыбнулся. Можно даже гордиться! Вероятно, теперь его точно запомнят. И не как простого паладина, идущего на смерть, а как паладина, который перед смертью страшно опозорился. Почему бы и нет?

Одна только мысль о том, что он бессовестно нарушил правила, без спроса уйдя в таверну, приносила необычайное удовольствие. Делать по-своему Анри очень любил. Наверное, потому что такая роскошь ему была далеко не всегда доступна. Он, точно дитя малое, радовался тому, что напакостничал. Жалко только, что пострадал от этого он сам. Но оно всё равно того стоило! Музыка в «Бражниках» играла отличная, Музыкант, кем бы он ни был, горланил песни от души А ещё напиток тот приятно согрел горло. В общем-то, всё не так уж и плохо, выходит?

Анри кивнул собственным мыслям, искренне обрадовавшись, что сумел самостоятельно упорядочить собственные чувства. Сам разобрался, без чьей-либо помощи. И всё-таки способный он малый.

А впереди тем временем показалась неприступная стена — защитница замка.

Замок Амберфьорд — центр королевства с одноимённым названием — холодно взирал вниз, на простирающиеся до самого горизонта земли. Башни его, тянущиеся ввысь, походили на пики, пронзающие нежное и мягкое тело небосвода.

Не было вокруг него рва с водой, хотя Анри читал в одной книге, что подобная мера защиты при осадах была довольно распространённой в давние времена. А потом разгорелся всемирный пожар, породивший свирепых и кошмарных существ. И рвы с водой уже не имели никакого смысла. Потому что существа те — единственные в роде своём — умели летать. Они-то и стали причиной смены тактики защиты. Они изменили правила войн, обладая неоспоримым преимуществом — крыльями. Поэтому рвы не рыли уже не одно столетие. Но, быть может, всё переменится. Кто знает?

Анри пришёл к этой мысли не сам, а просто услышал когда-то рассуждения отца. А он редко ошибается. Возможно, он прав.

Так или иначе, сейчас важно не это. Паладин нервничал, поэтому думал сразу обо всём и невпопад. Одёрнув себя, он быстро посмотрел наверх, на окна. С них не лился свет —

ещё слишком рано. Может, слуги уже и бодрствовали, но вот король с королевой вряд ли. Хотя была вероятность того, что отец и не ложился, потому что страдал бессонницей в последнее время. И от догадки этой душа Анри сжалась: вдруг король всё-таки узнал о его проступке? Вдруг по чистой случайности заглянул ночью в его покои? На целых десять из десяти Анри стало тревожно. И тем не менее он не остановился в нерешительности у ворот, а смело толкнул их, стиснув зубы от противного скрипа, и направился напрямик в оружейную. Он собирался следовать своему плану: надеть доспехи и тренироваться. И, конечно, делать вид, что ничего не случилось, и сердце у него не украли. Настолько спешил, что поначалу проигнорировал настороженные вопросы стражников, несущих службу у входа.

— Кто идёт?! Эй! Отвечай!

Послышался лязг металла. С этим звуком меч выскакивает из ножен. Только тогда Анри обернулся, а потом, неловко топчась на месте, пролепетал:

— Ой, это ведь я! Доброй ночи.

— Паладин. — Один из солдат разглядел его и тут же убрал оружие. — Не признали в темноте, примите извинения.

Шагал Анри напрямую в оружейную, и, хоть стражники лишних вопросов не задавали и вообще уже потеряли к нему интерес, на всякий случай уточнил:

— Иду вот на тренировку. Решил встать пораньше. Сего-

дня важный день.

И ничего, что на тренировку он шёл не из замка, а не пойми откуда, прихрамывая и держась за грудь. Но, как уже было оговорено, стражники лишних вопросов не задавали. Они лишь непринуждённо ответили:

— Что ж, хорошей тренировки, уважаемый паладин.

Анри кивнул и вновь засеменял вперёд, стараясь держаться в тени. Он ускорился, попутно думая о том, как ловко обвёл всех вокруг пальца. Ну, или пытался подбодрить себя этой мыслью. Врать Анри никогда не умел, а если и пробовал, то получалось слишком неуверенно. Вот прямо как сейчас. Ещё и щёки загорелись от стыда. На пять из десяти. Но что теперь поделать? Что сделано, то сделано. С этим выводом паладин шмыгнул в оружейную, захлопнув за собой дверь.

Он бросился к керосиновой лампе, оставленной им же у входа ещё вчера, и тут же зажёл её. Тьма расступилась. Но фонарь осветил не только помещение, а ещё и бледное лицо короля Амберфьорда. Стоял он, устало опершись о дверь, ведущую в замок, и буравил Анри пристальным взглядом. *Так* мог смотреть только он.

Анри вздрогнул и едва не выронил лампу. И, честно говоря, он был готов выбежать из оружейной и скрыться в ночи, лишь бы не испытывать на себе гнев короля, но, конечно, остался на месте.

Только пробубнил несвязно онемевшими губами:

— О-отец

Выглядел король болезненно, хотя на здоровье никогда не жаловался. Под глазами его колкими залегли глубокие синяки, на лице как будто прибавилось морщин. Вероятно, он и вправду не ложился спать сегодня и даже рубашку ночную не надевал.

— Где был? — спросил он тихо, но твёрдо.

Анри понимал, что увиливать от ответа не было никакого смысла. К тому же, враньё — не его конёк. Однако, сам не зная почему, попытался-таки соврать:

— Так здесь я был.

Руки его затряслись, но язык продолжал отчаянно нести чушь:

— Я пол ночи тренировался, отец. Потому что очень серьёзно отношусь к своим обязанностям. С нетерпением ждал наступления утра — настолько, что не мог уснуть! Всё-таки сегодня состоится церемония.

Анри знал, что король, конечно, ни капельки ему не верил, но терпеливо выслушивал ложь, а потом и вовсе обречённо вздохнул, потупив взгляд. Должно быть, на глаза его почти навернулись слёзы из-за безнадёги. Он всегда искренне поражался тому, как Анри мог сочетать в себе одновременно и столь великую силу, и столь слабое понимание неминуемого наступления последствий его действий. Вот сейчас он лгал в лицо королю, своему отцу, и, вероятно, верил, что его это спасёт.

— У тебя дыра в груди, — холодно констатировал отец, очевидно, уставший от детского лепета своего непутёвого сына. — Просто ответь, откуда?

— Поранился, — промямлил Анри.

— Органы на месте?

Паладин поджал губы и отвёл взгляд, не готовый выпалить всю правду. Поэтому он ответил уклончиво:

— Ну Большая их часть.

Король вдруг оживился. Лицо его сделалось красным, глаза налились кровью. Он принялся стремительно расстёгивать ремень, чтобы снять его и как следует выместить гнев на Анри. Попутно он приговаривал:

— Паразит такой! Двадцать лет! Тебе двадцать лет, Анри! Я всю жизнь учил тебя простым вещам, всю жизнь повторял одно и то же!

Паладин вовсе не боялся отцовского ремня — наказывали его редко, но за дело. Когда он действительно поступал неправильно. Боялся он разочарования. Не хотел, чтобы отец переживал из-за него.

— Я тебя сейчас так выпорю, так выпорю! — повторял король, краснея пуще прежнего. — Высеку до крови!

Анри вдруг упал перед родителем на колени, схватил подол его одеяния и жалобно взмолился:

— Папа, простите меня! Даруйте снисхождение!

— Ах папой зовёшь? Папой?

Король имел такую черту — повторять одно и то же, ко-

гда особенно сильно злился. Анри это всегда забавляло. Однажды он даже рискнул по-детски передразнить его, о чём быстро пожалел. За длинный язык и неподобающее поведение его тогда наказали, как обычно наказывают невоспитанных ребятишек, — отшлёпали да в угол поставили. Однако это не повлияло на маленького паладина. По сей день он периодически передразнивал отца, порой сам за собой не замечая.

Вот и сейчас он не сдержался:

— Папой зову! Папой!

Король занёс ремень над головой. В воздухе угрожающе звякнула увесистая бляшка. И уже через мгновение раздался шлепок, потом ещё один и ещё. Удары приходились куда попало: то по плечам, то по спине. А Анри тем временем не выпускал из рук подол одеяния и наигранно хныкал:

— Ай! Ой! Простите, папа! Умоляю, простите меня!

— Я сейчас тебе не папа! Не папа!

Тогда Анри обратился к нему по имени, назвав его полностью:

— Нинон Дир Сангус! Мой повелитель, мой господин! Мой не папа! Я очень виноват! И раскаиваюсь. Мой не папа, прошу, позвольте объясниться.

Нинон прекратил наконец лупить сына и теперь, пыхтя, поправлял упавшие на лицо тёмные волосы. В глазах его зелёных застыла тревога. Не ярость, не бешенство, а именно тревога. Анри считал её моментально и лишь сильнее усты-

дился своего поступка. Отец, несомненно, думал сейчас о том, как страшно ему отпускать в мир своего сына. Ведь сын пока что ожиданий не оправдывал. Только портил всё, рушил планы.

В подтверждение мыслям Анри, Нинон заговорил едва слышно:

— Тебе предстоит пройти столько испытаний!.. Ты представить себе не можешь, какой твой путь опасный и сложный. И ты не готов, Анри. Что же ждёт нас тогда? Если ты не справишься, королевство не выстоит в этот раз. Мы сгинем все, сгорим.

Паладин так же тихо ответил, опустив взгляд:

— Я верну украденное, отец. Заберу своё, исправлю ошибку. А потом отправлюсь в путь, как и планировалось. Ничто не помешает моей цели. Я ведь клятву принесу сегодня. А она нерушима.

Король устало опустился на стоящий рядом стул, о чём-то думая. Он сжимал в руке ремень. И рука его тряслась.

— Что именно у тебя украли? И кто это сделал?

— Сердце, — честно признался Анри. — А кто украл — не знаю. Я был в «Бражниках», а потом

Нинон не дослушал. Он вдруг медленно вздохнул, прикрыв глаза. Держать себя в руках давалось королю очень тяжело.

— В «Бражниках», значит, — произнёс он, старательно подавляя очередную волну гнева. — К мертвецам ходил.

— Не факт, что там были лишь мертвецы

— Анри, живые туда не ходят! Живые таверну эту днём с огнём не сыщут! Ты и сам это прекрасно знаешь. Я запрещал тебе к ней приближаться не просто так. Нет у нас никаких дел с мертвецами. Они опасны, коварны и все поголовно — лжецы. Тебе это также хорошо известно.

Анри осмелился возразить:

— Не все! Я ведь тоже мертвец, но поступаю по чести и почти не лгу!

— Мёртв ты лишь наполовину, — терпеливо пояснил Нинон и устало помассировал переносицу. — Это ты тоже прекрасно знаешь. Но речь сейчас не об этом. Я хочу понять, осознаёшь ли ты всю серьёзность ситуации? Твоё сердце, может быть, уже невозможно вернуть. Вполне вероятно, что какая-нибудь нежить использовала его в своих целях. А без сердца, как и без любого другого органа, ты остаёшься неполноценным. Пламя не примет тебя, Анри.

И вновь паладина кольнула обида. Неужели это всё, что волновало отца? И тот факт, что ему предстоит сгореть заживо, совсем не задевал его чувства?

Несомненно, рождён Анри был именно для того, чтобы умереть. Но от мысли этой не легче. Однако озвучить свои рассуждения вслух он не осмелился. Ни к чему короля гневить.

— Возвращайся в свои покои, — приказал Нинон, всё ещё хмурая брови. — И не выходи из них до начала церемонии.

Всё должно пройти идеально. И уже после мы будем думать, как вернуть твоё сердце.

Анри кивнул и покинул оружейную. Он последовал приказу и даже не заглянул в кладовую, чтобы стащить что-нибудь съестное. Аппетита не было.

Так и сидел паладин до утра на кровати, пялясь в пустоту. Казалось, он окаменел и ожил лишь в тот момент, когда лучи восходящего солнца коснулись лица. За окном занялся рассвет. Это означало, что церемония вот-вот состоится. Неминуемо и неумолимо.

В дверь постучали. Анри без энтузиазма отозвался:
— Войдите.

В покои вошли служанки и мама? Глаза её были воспалёнными, и черные ресницы слиплись от слёз. Но на красивом лице сияла улыбка.

Фальшивая, — заключил Анри, внимательно приглядевшись. Интересно, почему?

— Дорогой мой сын, — залепетала она, приблизившись.
— Пора. Слуги принесли тебе одеяние.

Анри неохотно встал и прошёл к гардеробу, где за роскошной ширмой снял с себя вчерашнюю одежду и уже был готов облачиться в церемониальный костюм, как вдруг понял, что быстро его запачкает кровью — дыра в груди не испарилась за ночь! И что же делать тогда?

На глаза вдруг попался завалившийся в углу носок Его пару Анри не мог найти уже давно. Лежал себе льняной одиночка без дела и пылью покрывался. И в голову паладину пришла великолепная, но безнравственная идея. Недолго думая, пока никто не видит, он схватил несчастный носок и запихал в дыру в груди, остановив кровотечение. Оставалось лишь надеяться, что до конца церемонии он будет исправно впитывать кровь, чем спасёт дорогое одеяние и репутацию королевского воспитанника. Мысленно Анри помолился, рассчитывая на то, что боги его простят за этот грех и закроют глаза на страшное кощунство.

Волноваться Анри стал лишь сильнее. Руки затряслись.

Мама поторопила:

— Не задерживайся. Тебе еще нужно привести волосы в порядок.

Анри поспешил надеть воздушное одеяние предательского белого цвета — полупрозрачный стихарь, расшитый едва различимыми узорами. На плечах повисла шёлковая накидка с капюшоном. Ноги оставались босыми.

Мама вновь поторопила, и Анри вышел из-за ширмы. В глазах королевы опять блеснули слёзы, но она быстро их смахнула и приказала сесть на стул для дальнейшей подготовки. Слуги к тому моменту вышли, их помощь больше не требовалась. Никто из них не удостоил дыру в груди Анри и взглядом. Не их это дело! Хотя болтать начнут моментально. Как только порог покоев паладина переступят.

Матушка тем временем принялась расчёсывать абсолютно седые волосы Анри, отросшие почти до плеч.

— Я хочу вплести перья, — произнёс он.

— Нельзя, ты же знаешь.

Анри обернулся и взглянул на мать обиженно:

— Никто и не заметит! Голова под капюшоном будет. Неужели я не могу позволить себе столь незначительную радость?

Королева подумала пару мгновений, а потом всё же согласилась. Она редко отказывала сыну в чём бы то ни было, вот и сейчас не смогла. Только вздохнула и направилась к сундуку, в котором Анри хранил всякие безделицы. Перьев внутри оказалось много, но взяла королева только белые.

— И когда ты успеваешь на птиц охотиться? Чьи это, кстати, перья?

— Голубиные. Мне нравится стрелять из лука, — ответил паладин, пожав плечами. — Так что ничего удивительного в этом нет. Охота — такая же часть моих тренировок вот уже сколько? Лет десять?

Мама снова встала позади, продолжая распутывать его волосы гребнем.

— Неужели ты голубей лишь ради перьев убиваешь?

— Мясо на кухню отношу.

Беседа эта казалась Анри бесполезной. Но он понимал, что мама не просто так её завела — успокоения ради, чтобы отвлечься. Ведь слёзы ей сдерживать всё труднее. Он слы-

шал, как королева громко сглатывала и тихо всхлипывала.

Молчала она и о ночном происшествии. Несомненно, королева Лаилах уже была в курсе, король вряд ли утаил бы от неё подобное. Однако ни нравочений, ни разочарованных вздохов от неё не было слышно. Быть может, Лаилах не высказалась по старой привычке — держать рот на замке, если её не спрашивали. Наверняка Анри не знал, но предполагал. Ему вообще нравилось додумывать за другими, потому что недосказанностью он сыт по горло.

Тонкие пальцы матери быстро и аккуратно вплели три пёрышка в волосы сына.

— А теперь вуаль, — прошептала она дрожащими губами.

И лицо Анри накрыла такая же полупрозрачная, узорчатая ткань, оставив открытыми лишь глаза. Это тоже важная часть церемониального облачения.

— Ты готов, — вздохнула мама. — Спускайся через пять минут. Не забудь надеть капюшон.

С этими словами королева Лаилах поспешила покинуть покои палатина и быстро затерялась в коридорах замка. Анри услышал, как она громко всхлипнула, отдаляясь. Плач её вернулся к нему эхом. Матушка скорбела по нему, горевала. Сегодня Анри официально похоронят ещё при жизни.

Под величественными сводами замка раздавалось пение хора. Собралось много людей: послы из соседнего королев-

ства, местный совет, рыцари, обязанные отдать честь палатину, и, конечно, представители церкви. Все они явились на похороны. Принесли много цветов. А в трапезном зале уже ломился стол от угощений — поминальный обед.

Анри ожидал своего выхода, наблюдая за происходящим в тронном зале. Взгляд его скользнул по королю, что тихо приветствовал гостей и объявлял начало церемонии. Рядом стояла королева — держала спину ровно, сохраняла достоинство и изо всех сил старалась не плакать. Взгляд её был смиренно опущен. Ресницы изредка подрагивали. А вон там, прячась за всеми, сидел летописец. Он внимательно слушал речь короля и всё записывал. Запишет он и новую фамилию, которую дадут Анри. Запишет и дату его смерти — сегодняшнюю.

Будь у Анри сердце, оно отбивало бы неуёмный ритм.

Страшно, — признался он себе внезапно, но на сей раз не постыдился. — Мне очень страшно.

Речь короля Нинона стихла. Все ожидали выхода палатина, и Анри медленно вошёл в тронный зал, с головой окунувшись в церемонию собственных похорон. Хор не смолкал. До удушья пахло цветами. И как на зло в горле пересохло. Но Анри не подал виду, послушно шагая босыми ногами по холодному каменному полу. Остановился он у королевского трона, приклонил колени и опустил голову. Подле ног любимого отца сделалось ещё страшнее. На десять из десяти. По лбу скатилась капелька пота.

— Я попрошу представителей церкви и послов засвидетельствовать клятву, — произнёс Нинон. Голос его совсем не терялся в пении хора. Наоборот — ему внимали абсолютно все.

— Мы слушаем тебя, паладин, — отозвались священники.

И Анри принялся тихо, но проникновенно клясться:

— Я, рождённый от ведьмы и смертного, Анри Эйтэль, готов отдать жизнь за спасение Амберфьорда. Я, Анри Эйтэль, сегодня отмечаю двадцатый день рождения и сегодня же умираю, даруя надежду всем живущим на будущее. Я уважаю традиции, сформированные тремя королевствами после окончания тысячелетней войны. Ибо созданы они во благо. Ибо так повелели боги. И потому я клянусь выполнить свой единственный долг перед людьми. Клянусь, что отправлюсь в путь, отыщу Свирепое Пламя и стану молитвой для его утешения. Клянусь пожертвовать собой во имя мира. И помогут мне боги. И уберегут небо наше от чёрного дыма. Да будет так. Отныне и впредь я — не Анри Эйтэль.

Представители церкви медленно закивали. Они остались довольны клятвой. Немудрено, ведь Анри её заучивал едва ли не с детства.

Нинон опустил руку ему на плечо и промолвил:

— Волею наших богов и их законов, лишаю тебя фамилии, данной при рождении. Теперь ты принадлежишь Амберфьорду и получаешь фамилию моих предков, разрывая

связь со своим родом. Отныне и впредь ты — Анри Дир Сангус. Посмертно. Твоё лицо будет стёрто из памяти людей, ибо ты мёртв, и вуаль тому подтверждение. С тобой никто не заговорит, ибо тебя больше нет.

От последних слов по спине Анри побежали мурашки. Он даже вздрогнул незаметно, ужаснувшись. То были всего лишь слова, казалось бы, но боль они причинили невыносимую. Ему даже захотелось осторожно оглядеться, чтобы понять, видят ли его окружающие! Или он моментально исчез?..

Медленно Анри повернул голову в надежде хоть с кем-то столкнуться взглядом, но никто на него теперь не смотрел. Присутствующие — все, как один — отводили глаза или вовсе смотрели сквозь паладина. Какой ужас! Так не честно! Не честно!

На Анри накатывала паника. Осознание происходящего наконец обрушилось на него, точно топор палача. Неужели это всё? И ведь с ним никто даже не попрощался! Они только сделают вид, что прощаются, пока будут поминальным обедом нажираться. Как жестоко! Как быстро присутствующие вдруг стали Анри противны. Их равнодушие вызвало сильнейшее отторжение — настолько, что паладина затошнило. Ему захотелось закричать на весь тронный зал, чтобы привлечь к себе внимание, но голос пропал. Горло перекрыл жгучий комок.

Анри опустил голову ещё ниже, будто обессилив. Он по-

пытался смириться. В конце концов, теперь выражать истинные свои чувства поздно. Никто ведь даже не смотрит на него! Никто, кроме

Анри заметил маленькое белое пёрышко прямо перед собой. Оно плавно опустилось на пол. И тогда паладин поднял взгляд, столкнувшись со взглядом матери. Лицо её оставалось таким же непроницаемо спокойным, но по гладкой щеке при этом медленно катилась слеза. Она смотрела. Она *видела* своего сына. Для неё он всё ещё был здесь, и никакая церемония не могла это изменить. Вопреки богам и их законам.

Никто не заметил это маленькое пёрышко. А даже если бы и заметили, не придали бы значения. Но для Анри оно оказалось таким важным! Мама, возможно, хотела оставить его себе. Может, как память? Чтобы не забыть последний их разговор, не несущий в себе никакого смысла? Анри мог только предполагать. Но по итогу королева Лаилах поняла, что паладину Амберфорда это пёрышко нужнее. Оно оказалось необходимо ему прямо сейчас. Более внимательного и чуткого человека Анри не знал в своей жизни. И был готов броситься ей в ноги, расцеловать подол платья и бесконечно благодарить.

На душе стало легче. На десять из десяти. Жгучий комок освободил горло, и дрожь ушла. Если возможно утешить мёртвого, то именно это и случилось.

Церемония состоялась. Король Нинон Дир Сангус громко

объявил об этом.

Анри покинул тронный зал последним, лишь после того, как все остальные направились в трапезный зал, чтобы начать поминки. Паладину хотелось поскорее вернуться в свои покои и не покидать их как можно дольше. Он желал попрощаться хотя бы с комнатой, в которой вырос, раз уж с людьми не получится. Пришлось очень быстро вбить себе в голову тот факт, что с ним уже никто не заговорит. Однако одно дело навязать себе эту истину, а другое — смириться.

Стиснув зубы от негодования и сжимая в крепком кулаке пёрышко, Анри спешил к себе, быстро сменяя один коридор за другим.

Замок показался ему чужим. От стен его каменных разило равнодушным холодом. Теперь это не его дом, а так, оплот воспоминаний. Теперь ведь ничто из прошлой жизни не имело значения, да?

В покоях Анри обнаружил маму. Она стояла у окна, утирая слёзы. Смотрела, видимо, куда-то вдаль, на бескрайние земли Амберфьорда, и думала О чём она могла думать? Наверное, о том, каким длинным окажется путь её сына. Дорог в королевстве много, и все они уходят за горизонт. Все они неминуемо приведут Анри к гибели. Будет ли королева Лаилах точно так же смотреть с окошка на то, как удаляется его силуэт? Да, несомненно. И плечи её будут так же подраги-

вать от рыданий, и ресницы ещё долго не высохнут от слёз.

— Матушка, — прошептал Анри неуверенно. Боялся, что она всё-таки не ответит, как и все вокруг.

Но она охотно нарушила это правило и бросилась вдруг его обнимать.

— Не стану тебя раньше времени хоронить!

— Мама, вам отныне запрещено говорить со мной. Боги накажут. И отец, если услышит.

— Мне не страшен божественный гнев. Они и без того меня наказывают, забирая тебя. Как пережить это, Анри? Как тебя отпустить? Я всю жизнь милосердия богов не знала. Своих детей они мне не дали, а теперь отнимают и тебя!

Анри больше всего на свете не хотел отталкивать матушку, но притом ужасно боялся за неё: вдруг и вправду за один разговор с ним её покарают? Лаилах не заслужила страданий, но это не помешало им преследовать её всю жизнь. Вот Анри и переживал о том, как бы не стало только хуже.

Он мягко отстранился и даже не взглянул в лицо матери, пройдя мимо.

— Идите, матушка, на поминальный обед. Вас там скоро хватятся, искать будут.

Анри выудил из сундука шёлковый платок и протянул его Лаилах, чтобы та утёрла слёзы.

— Я вас люблю бесконечно, мама. И как лучше хочу. А если вам своей души не жалко, то сжальтесь хотя бы над мной. Мне прощаться и без того невыносимо. На десять из де-

сяти.

Лаилах старательно подавила плач и с пониманием закивала, но уходить не спешила. Что-то подсказывало: не только из-за сентиментальности её принесло в покои паладина. Скорее всего ей не хотелось быть на поминальном обеде из-за гостей. Некоторые из них прибыли сегодня не столько засвидетельствовать церемонию, сколько поглядеть на королеву. На *изгнанную* с родных земель. Послы с соседнего королевства — любопытные стервятники — явились убедиться, что Лаилах несчастна. И, видят боги, она очень старалась им этого не показать, чтобы не доставить лишней радости. Но вряд ли получилось убедительно.

Только вот не подозревали они, что Лаилах несчастна была лишь один день из сотен проведённых здесь, в Амберфьорде. Сегодня она грустила из-за утраты. Мать, пусть и приёмная, провожала своё дитя на смерть.

— Ты только пообещай, что сообщишь, когда покинешь замок, — взмолилась она тихо. — Не уходи безмолвно.

— Я отправлю весточку, мама, — согласился Анри, зачем-то натянув вдруг улыбку. Такую же фальшивую, какая была у королевы сегодня утром. Улыбка сквозь слёзы.

Напоследок Лаилах осмелилась подойти и поцеловать сына в лоб, а уже после развернулась и молча покинула покои.

Уйти так сразу Анри не мог в любом случае — ему ещё предстояло разобраться с украденным сердцем. И, точно в напоминание об этом, вдруг закровоточила грудь. Носок

внутри, очевидно, пропитался насквозь.

Анри поспешил стянуть с себя церемониальное облачение, чтобы не испортить, и принялся метаться по комнате в поисках нового носка или платка. Он залез в сундук и вытащил какое-то тряпьё, быстро заткнув дыру. Хотел уже было одеться во что-то поскромнее, как обнаружил вдруг на столе письмо. Точнее, записку, написанную наспех на пожелтевшей бумаге, пахнущей сыростью. И полынью?

Паладин развернул записку и внимательно прочитал содержимое:

«Доблестный герой, я жажду встречи! Желаю выманить тебя и навредить. Буду поджидать тебя в засаде, чтобы напасть. Тебе такое предложение, я верю, будет интересно. Приходи в старое трупохранилище этим вечером. Тогда, быть может, вернёшь украденное.»

Анри сразу догадался, от кого эта записка. Она его изрядно позабавила.

Несомненно, с ним искал встречи тот самый Музыкант — прямолинейный и хитрый. И, конечно, мертвец этот затеял какую-то игру. Опасную. Но, вопреки здравому смыслу, Анри не собирался его игнорировать. Сегодня вечером ему предстояло наведаться в трупохранилище. А как иначе вернуть сердце?

Паладин глупо улыбнулся, ощутив внезапный прилив детской радости. Его ждало очередное приключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.